

Н.А. Беседина (Белгород, Россия)

ПРОБЛЕМЫ АНГЛИЙСКОЙ МОРФОЛОГИИ В КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНОЙ ПАРАДИГМЕ

В статье систематизируются проблемные вопросы, требующие уточнения при исследовании английской морфологии с точки зрения методологических установок когнитивно-дискурсивной парадигмы.

Ключевые слова: английская морфология, когнитивно-дискурсивная парадигма, межуровневое взаимодействие, морфологическая категория.

Имя Валентины Федоровны Новодрановой широко известно в научных кругах и неразрывно связано с развитием отечественного терминоведения в его когнитивной интерпретации. Все хорошо знакомо с работами Валентины Федоровны, посвященными разным аспектам медицинской терминологии. Однако менее известной, но от того не менее значимой, является исследовательская деятельность Валентины Федоровны в области грамматики. Но именно с грамматики начинался путь в большую науку у Валентины Федоровны Новодрановой.

Кандидатская диссертация В.Ф. Новодрановой, успешно защищенная в 1971 году, была посвящена сопоставительному анализу грамматической категории рода в романских языках (см. подробно: [Новодранова 1971]). Именно в этой работе автором на основе сопоставительного анализа морфологических и синтаксических показателей были выявлены многообразие и специфичность средств выражения категории рода в романской родовой системе. В исследовании Валентины Федоровны категория рода представлена как гендерная комплексная, многофокусная категория, характеризующая как класс определяемых, так и класс определяющих, т.е. включающая в себя две подкатегории в пределах суперкатегории, различающиеся по своему значению, средствам выражения и функции (см. также: [Новодранова 2010; 2013]). В своей реализации в имени существительном в романских языках категория рода имеет иерархическое многоуровневое устройство, отражающее особенности языковой категоризации (подр. об особенностях языковой категоризации см.: [Болдырев 2012]).

Данная статья посвящается научному таланту Валентины Федоровны как грамматиста. В ней предпринимается попытка систематизировать основные вопросы, попадающие в фокус внимания и требующие уточнения при исследовании морфологии с точки зрения обще-

теоретических и методологических установок когнитивно-дискурсивной парадигмы. К таким вопросам, как представляется, следует отнести следующие: место морфологии в системе языка, в том числе, в аспекте ее взаимодействия с другими языковыми уровнями, и проблему определения морфологической категории.

Объем понятия «морфология» имеет неоднозначную интерпретацию в различных концепциях. Представителями школ и направлений, предшествовавших когнитивному, морфология признавалась равноправной частью грамматики наряду с синтаксисом, относилась к лексикону, рассматривалась как часть синтаксического компонента или «растворялась» частично в лексиконе, частично в синтаксисе, либо не выделялась в самостоятельный уровень (подробный анализ концепций см.: [Бесекина 2006]).

Статус морфологии как особого уровня, выполняющего важную роль в системе языка, убедительно обосновывается отечественными лингвистами. Наиболее четко и одновременно метафорично эта позиция выражена А.А. Реформатским. Он, в частности, пишет: «Морфология подобна «костяку» или скелету, на котором держится все остальное. Морфология – центр «языкового пространства», и для того, чтобы узнать язык, надо прежде всего понять его морфологию. Без морфологии нет языков» [Реформатский 1979: 58]. При этом А.А. Реформатский подчеркивает, что у разного типа языков **своя** (выделено нами – Н.Б.) морфология, но она все равно присутствует [там же].

Существование морфологии как отдельного уровня языка аргументируется также Е.С. Кубряковой, использующей положения модулярной теории языка. Она говорит о существовании морфологического компонента языковой способности говорящих, некоего «морфологического модуля, управляющего образованием правильно оформленных морфологических структур со статусом слова, т.е. ответственного за соблюдение правил относительно формы и строения слова при выражении им определенного содержания» [Кубрякова 1987: 27]. Это подтверждается, в частности тем, что в разных языках мира складываются некие особые приемы для создания слов и что слово выделяется в сознании говорящих в качестве отдельной единицы языка, соотносящей форму и содержание своим специфическим способом [там же: 26]. Поэтому разрывать морфологию, относя часть ее к лексикону, часть – к синтаксису, представляется Е.С. Кубряковой не только нецелесообразным, но и разрушающим онтологическую и гносеологическую целостность морфологии [там же]. При этом необходимо отметить, что

в отечественной лингвистике не просто постулируется существование морфологии как особого уровня, но и детально изучаются отношения морфологии с другими языковыми уровнями.

Разнообразие взглядов на данную проблему дало основание для рождения идеи о том, что «морфология служит синтаксису». Именно из этого положения исходит Б.А. Серебренников в трактовке проблемы взаимоотношения морфологии и синтаксиса, подчеркивая одновременно, что такое утверждение упрощает представление о реальных отношениях в языке [Серебренников 1988: 88]. Как считает Б.А. Серебренников, морфологическая форма, будучи носителем отвлеченных значений, в возможностях своего функционирования оказывается ограниченной этими значениями и сама диктует синтаксису тот или иной выбор морфологических средств [там же]. Б.А. Серебренников, вслед за авторами Русской грамматики 80, приходит к выводу, что «морфологические формы, их значения в определенный момент существования языка взаимодействуют с синтаксическими конструкциями, с правилами их построения не как сфера подчиненная со сферой подчиняющей, а как сфера, располагающая арсеналом собственных средств, со сферой, без этого арсенала практически не существующей» [Русская... 1980: 5].

Идея о «службе» морфологии синтаксису разрабатывается и в рамках теории морфологических категорий, разработанной А.В. Бондарко. В ней уточняется, что морфология служит синтаксису «лишь постольку, поскольку ее единицы, формы и категории включаются в структуру предложения, являются существенными для нее, но не вообще, не глобально, не абсолютно» [Бондарко 1976: 19]. Одновременно с этим, А.В. Бондарко специально подчеркивает, что морфологические категории всегда имеют отношение к синтаксису, так как каждая морфологическая категория обладает определенной синтаксической направленностью, синтаксической перспективой [Бондарко 1976: 19].

Вместе с тем, А.В. Бондарко не отрицает в целом господствующего положения синтаксиса по отношению к морфологии, так как это вытекает из соотношения более высокого уровня предложения и более низкого уровня слова. Он также не исключает возможности другой иерархической перспективы, когда морфологические, синтаксические, лексические и словообразовательные средства и различные их комбинации служат для реализации определенных семантических функций в речи. С этой точки зрения, структура предложения перестает быть абсолютно «командной» величиной и вместе с морфологическими

структурами служит передаче смысла в тексте. Именно такое понимание способствовало развитию функциональной морфологии.

Для объяснения закономерностей взаимообусловленности семантики, синтаксиса и морфологии В.Б. Касевич прибегает к понятию фрейма в том понимании, в котором его использует М. Минский. Для морфологического компонента языковой системы В.Б. Касевичем выделяются фреймы двух видов: семантически и синтаксически ориентированные. Семантически ориентированные фреймы, в его понимании, представляют собой морфемные или лексемные структуры, призванные непосредственно передавать такие элементы семантического представления высказывания, как число, время и т.п. Здесь морфология непосредственно обслуживает грамматическую семантику, выступает средством выражения абстрактных значений, характеризующих ту или иную ситуацию. Синтаксически ориентированные фреймы в составе морфологического компонента представляют собой морфемные или лексемные структуры, предназначенные для указания на возможную функцию лексемы в составе синтаксических конструкций. Использование таких структур присуще языкам в разной степени, в то время как семантически ориентированные фреймы представлены в морфологическом компоненте любого языка [Касевич 1988: 26].

В теории семиологической грамматики, разработанной Ю.С. Степановым, проблема связей морфологии и синтаксиса получает более глубокое осмысление и формулируется в виде положения о том, что морфология выступает как «техника взаимодействия семантики и синтаксиса». При этом в качестве принципиально важных принимаются положения о том, что: определению морфологической категории предшествует определение семантико-синтаксической сферы, применительно к которой можно говорить о данной категории; морфологические категории подчиняются некоторым общим семиологическим принципам, источником которых являются семантика и синтаксис в их взаимоотношениях; изменение морфологических категорий связано с перераспределением «длинного семантического компонента» (общего семантического компонента), а их развитие заключается в развитии самого этого компонента в целом [Степанов 2002: 296-297]. Иными словами, морфологические категории оказываются взаимообусловленными взаимоотношениями семантики и синтаксиса.

Понимание морфологии как техники взаимодействия семантики и синтаксиса получило применение и дальнейшее уточнение в теории функционально-семиологической грамматики Н.Н. Болдырева. В соот-

ветствии с ее основными установками, морфология определяется как техника языковой системы, фиксирующая типичные связи между семантикой и синтаксисом [Болдырев 1995]. Рассматриваемое положение получает дальнейшую разработку в рамках когнитивного анализа, направленного на то, чтобы раскрыть роль морфологии как языковой техники.

Предпосылки такой постановки вопроса создаются, в первую очередь, благодаря тем работам, которые получены отечественными лингвистами в последние десятилетия, ознаменовавшиеся интенсивным развитием новой парадигмы знания, которую Е.С. Кубрякова назвала когнитивно-дискурсивной.

Прежде всего, в ряде работ самой Е.С. Кубряковой сформулированы основные направления изучения когнитивных аспектов морфологии (см., например: [Кубрякова 2000, 2003]). Е.С. Кубрякова уточняет высказанную Н.А. Слюсаревой мысль о том, что морфология когнитивна, хотя на первый взгляд, выступает в виде техники для синтаксиса [Слюсарева 1986], особо подчеркивая тот факт, что даже если бы морфология выступала исключительно «в виде техники для синтаксиса», она не перестала бы быть «когнитивной», т.е. связанной с познавательными процессами и служащей отражению и передаче их результатов [Кубрякова 2000: 25].

По мнению Е.С. Кубряковой, функции морфологии гораздо шире. Они обнаруживаются не на уровне морфем, а на уровне целостных морфологических структур, репрезентирующих разные классы слов [там же]. В этом проявляется связь морфологии с фиксацией, классификацией и распределением по категориям определенных структур знания о мире. Такая связь с процессами категоризации и субкатегоризации, а также связь последних со средствами их формального выражения позволяет выявить, как и в каких формах морфология объективирует и классифицирует знание о мире. Сказанное дает основание Е.С. Кубряковой говорить о когнитивных аспектах морфологии в различных проявлениях.

Когнитивная функция морфологических явлений, по заключению автора, определяется «их задействованностью в проведение процессов мышления, в осуществление ментальной и интеллектуальной деятельности человеческого разума – деятельности по обработке информации, ее хранению, ее сортировке и, наконец, извлечению, использованию и новому преобразованию [Кубрякова 2000: 25-26]. Подчеркивая особую важность изучения когнитивных аспектов морфологии, Е.С. Куб-

рякова заключает, что такое изучение позволит выявить немало важного в понимании того, «какие детали в изображении ситуации в данном языке не могут ускользнуть от внимания говорящего (грамматическое – значит обязательное), а также какие элементы человеческого опыта уже получили отражение и классификацию в данной языковой картине мира» [там же].

Проведенный детальный анализ имеющихся точек зрения [Беседина 2006] позволяет заключить, что дискуссионность проблемы статуса морфологии в системе языка связана со смешением двух понятий: «специфика морфологии» и «автономность морфологии». Когнитивный подход предполагает их четкое разграничение. Это позволяет утверждать, что признание специфики морфологии не означает автоматического признания ее автономности. Морфология, несомненно, имеет свою специфику, но искать ее нужно не в изоляции от других языковых уровней и не в отождествлении с ними. Морфология не автономна, она находится в постоянном взаимодействии с лексикой и синтаксисом. Данное положение рассматривается как базовое для изучения заявленной проблемы.

Специфика морфологии определяется ее ролью в репрезентации языкового знания и выполнением особой функции в системе языка – функции техники, обеспечивающей взаимодействие семантики и синтаксиса и фиксирующей типичные связи между ними. Именно поэтому морфологические категории функционально раскрываются, главным образом, на уровне синтаксиса (см., например, [Болдырев 1995]).

Сказанное позволяет утверждать, что с позиций когнитивного подхода в качестве основной единицы морфологии следовало бы рассматривать морфологическую категорию, находящую свое материальное выражение в формах слова, объединяемых в парадигму. Поэтому дальнейшее изложение будет связано с выяснением когнитивной сущности морфологических категорий как языковых единиц. В многочисленных работах зарубежных и отечественных исследователей выявляются разные стороны морфологических категорий, свидетельствующие об их многопризнаковости. Многопризнаковость морфологических категорий наилучшим образом проявляется в их классификациях, основанных на разных параметрах. Анализ свойств и признаков морфологических категорий сквозь призму их классификаций, представленный в [Беседина 2006], позволяет заключить, что термин «морфологическая категория» означает, что некоторое концептуальное содержание находит свою языковую экспликацию. Тем самым становится

очевидно, что изучение морфологии в когнитивном аспекте означает рассмотрение ее в контексте основных познавательных процессов – концептуализации и категоризации.

Своеобразие концептуализации на уровне морфологии проявляется в том, что она, конфигурируя и форматируя наше знание, обеспечивает концептуальную сетку, каркас для концептуального материала, выраженного лексически, и в определенном смысле «обслуживает» лексику. Именно эта особенность в плане концептуализации и обусловливает взаимосвязь морфологии и лексики на уровне языка, о которой говорилось выше. Такая взаимосвязь предполагает, с одной стороны, уточнение и конкретизацию категориальных значений в синтаксисе, а с другой – наличие скрытой грамматики как переходной зоны между формально-грамматическими, собственно морфологическими категориями, и лексическими/тематическими группами, а также необходимость языкового, в смысле ориентированного на репрезентацию в языке, концептуального содержания. Концептуализация в морфологии осуществляется на нескольких уровнях, под которыми понимаются различные способы структурирования знания, находящие представление в морфологии. Их выделение первоначально связано с разграничением сентенционального уровня и уровня семантики лексико-грамматических разрядов слов. Оно обусловлено внутренне неоднородной сущностью лексико-грамматических классов слов и их морфологических категорий. Последние, будучи средством уточнения связи языкового знака с той или иной концептуальной категорией, передаваемой тем или иным лексико-грамматическим классом слов в синтагматической речевой деятельности, различаются своей ориентацией на уровень сентенциональный или на уровень лексико-грамматических разрядов слов (подр. об уровнях концептуализации в морфологии см.: [Беседина 2009]).

Функциональная категоризация в морфологии предполагает реализацию категориального значения морфологической формы как отражение связи между морфологической категорией и соответствующей концептуальной областью через посредство морфологически передаваемых концептов (подр. о морфологически передаваемых концептах см. [Беседина 2006]). В процессе репрезентации знаний на уровне морфологии ведущим оказывается именно категориальный принцип, именно морфологические категории и формы выполняют роль языковых механизмов репрезентации знаний. В этой функции морфологические категории представляют собой концептуальное объ-

единение форм, служащее осмыслению наиболее важных и абстрактных сущностей в языке и выступающее в качестве «формата знания» (термин Н.Н. Болдырева) особого типа. Как следствие, обобщенные значения морфологических категорий создают ту «сетку координат» (термин Е.С. Кубряковой) в организации языка как когнитивной системы, в рамках которой осуществляется видение и осмысление мира человеком. Вместе с другими грамматическими категориями они «обеспечивают языку выход за пределы непосредственно наблюдаемого и отражают воистину беспредельные возможности языка» [Кубрякова 2006: 13].

В морфологических формах язык фиксирует не только наиболее обобщенные и абстрактные характеристики окружающего мира, но и те стороны, которые оказываются для человека наиболее регулярными и менее подверженными влиянию каких-либо факторов. Именно такие характеристики и стороны окружающей действительности передаются в морфологических формах с определенной степенью обязательности и регулярности. Например, временные, количественные параметры, показатели меры степени признака и реальности/ирреальности действия в большей степени представляются универсальными и в меньшей степени зависимыми от позиции говорящего. Эти знания, как правило, репрезентируются в языке соответствующими морфологическими категориями (времени, числа, степеней сравнения, наклонения).

Исследование проблем морфологии с позиций когнитивно-дискурсивной парадигмы позволяет заключить, что морфологические категории и формы объективируют языковое знание как составную часть знания о мире, включающее в себя знание языковых значений, форм и категорий и знание о мире, как оно концептуализировано языком. При этом они обладают максимальной степенью значимости в формировании языкового знания. Как следствие, морфологические категории создают костяк системы языка и закрепляют в качестве обязательных основные координаты всего языкового пространства. Следовательно, роль морфологии в системе языка и шире – в объективации и классификации знаний о мире – состоит в том, что морфология, прежде всего через морфологические категории и формы, объективирует языковое знание как составную часть знания о мире, что позволяет выделить морфологическую репрезентацию как особый категориальный способ структурирования концептуального содержания. Морфология, вследствие этого, предстает как особый (обладающий спецификой), но не автономный уровень языка, что согласуется с принятым в когнитивной

грамматике положением о том, что лексикон, морфология и синтаксис образуют континуум знаковых структур. Роль морфологии заключается в том, что она, передавая максимально абстрагированные и обобщенные смыслы, служит базой для формирования конкретных грамматических и лексико-грамматических смыслов в процессе коммуникации и обеспечивает, тем самым, технику взаимодействия семантики и синтаксиса. В этом смысле морфология является неотъемлемым компонентом языковой системы, обеспечивающим ее функционирование. Морфология, таким образом, представляет собой языковой уровень, важный с точки зрения понимания того или иного языка и определения его характера и типа.

Литература

Беседина Н.А. Морфологически передаваемые концепты: монография. М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина; Белгород: Издательство БелГУ, 2006. 214 с.

Беседина Н.А. Уровни концептуализации в морфологии // Когнитивные исследования языка. Вып. IV: Концептуализация мира в языке: коллективная монография / отв. ред. вып. Н.Н. Болдырев. М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2009. С. 182-231.

Болдырев Н.Н. Функциональная категоризация английского глагола. СПб.; Тамбов, 1995. 139 с.

Болдырев Н.Н. Категориальная система языка // Когнитивные исследования языка. Вып. X: Категоризация мира в языке: коллективная монография / отв. ред. вып. Н.Н. Болдырев. М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2012. С. 17-120.

Бондарко А.В. Теория морфологических категорий. Л., 1976. 255 с.

Касевич В.Б. Семантика. Синтаксис. Морфология. М., 1988. 309 с.

Кубрякова Е.С. Морфология в теоретических и типологических исследованиях последнего времени. М., 1987. 85 с.

Кубрякова Е.С. Когнитивные аспекты морфологии // Язык: Теория, история, типология. М., 2000. С. 22-27.

Кубрякова Е.С. Морфология сегодня и исследование морфологического строя в работах В.Н. Ярцевой // Теория, история, типология: материалы чтений памяти В.Н. Ярцевой. Вып. I. М., 2003. С. 5-13.

Кубрякова Е.С. Образы мира в сознании человека и словообразовательные категории как их составляющие // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2006. Т. 65. № 2. С. 3-13.

Новодранова В.Ф. Сопоставительный анализ грамматической категории рода (на материале романских языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1971.

Новодранова В.Ф. Специфика структуры грамматических категорий: традиционный и когнитивный аспекты (на материале категории рода) // Когнитивные исследования языка. Вып. VII: Типы категорий в языке: сборник научных трудов / отв. ред. вып. Н.Н. Болдырев. М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2010. С. 339-345.

Новодранова В.Ф. Традиционный и когнитивно-дискурсивный аспекты грамматических категорий (на материале грамматической категории рода) // Когнитивные исследования языка. Вып. XIII: Ментальные основы языка как функциональной системы: сборник научных трудов / отв. ред. вып. Н.А. Беседина. М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2013. С. 365-374.

Реформатский А.А. Очерки по фонологии, морфонологии, морфологии. М.: Наука, 1979. 101 с.

Русская грамматика / редкол.: Н.Ю. Шведова и др. М., 1980. 783 с.

Серебренников Б.А. Роль человеческого фактора в языке: Язык и мышление. М.: Наука, 1988. 242 с.

Слюсарева Н.А. Проблемы функциональной морфологии современного английского языка. М.: Наука, 1986. 213 с.

Степанов Ю.С. Имена. Предикаты. Предложения (семиологическая грамматика). 2-е изд., стереотипное. М.: Едиториал УРСС, 2002. 360 с.

N.A. Besedina (Belgorod, Russia)

ENGLISH MORPHOLOGY IN A COGNITIVE-DISCURSIVE PARADIGM

The article deals with some problems in English morphology to be reinterpreted in the aspect of methodology of modern cognitive-discursive paradigm.

Key words: morphology, cognitive-discursive paradigm, levels interaction, morphological category.